

Сюз Я ещё не успел прийти в себя от того собачьего хвоста, который мерно покачивался из стороны в сторону, как на его глазах вокруг отверстия начали расползаться трещины, похожие на паутину. Капли прохладной густой жидкости сладковатого запаха сочиться оттуда.

Она была тёплой, но обжигала настолько, что Сюз Я едва не выронил яйцо из рук.

— Вылупляется, — произнёс 717 прямо на ухо Сюз Я.

Если в прошлый раз на это ушла целая ночь, то теперь процесс шёл значительно быстрее и куда более жутко.

По крайней мере, в прошлом яйце не было столько воды...

— Околоплодные воды, — заметив замешательство Сюз Я, пояснил 717. — Хотя для яйцекладущих это довольно странно, но разве среди странностей наберется еще одна?

Этот ответ был равен полному молчанию.

Из всего длинного монопола 717 Сюз Я запомнил только одно слово: «странно».

И правда странно.

Но тогда...

— Какое это вообще имеет отношение к прохождению уровня? — наконец не выдержал Сюз Я.

Прозрачная жидкость непрерывным потоком лилась из маленького отверстия, собираясь на ладони Сюз Я. Переливаясь через край, она струилась по запястью, словно извилистый весенний ручеек, и вскоре заполнила изгиб розовато-белого локтя, промолив большую часть матраса под ним.

Сюз Я всё ещё чувствовал тупую боль в голове от недавнего тычка, а его и без того небрежная футболка задралась и испачкалась. Его хрупкий, ослепительно белый животик вздымался при каждом дыхании. Эта нежная, изнеженная плоть выглядела чужеродно на грязном матрасе, окрашиваясь в зловещие полумрачные багровые тона.

Тонкая талия плавно переходила в округлые бедра, образуя изящный изгиб. Всё было мокрым, а теплая жидкость текла всё быстрее и вскоре покрыла тело Сюз Я сплошной водяной пленкой.

Её было слишком много.

Сюэ Я с трудом подавлял желание задохнуться; он теперь даже не смел приоткрыть рот, опасаясь, что прозрачная жидкость случайно попадет внутрь.

Это были не беспочвенные страхи и домыслы — для них имелись самые веские основания.

Ведь источник этой воды — тяжелое, намертво придавившее его яйцо — казалось, изо всех сил рвалось вверх, норовя выплеснуться целиком.

Сюэ Я был готов умереть от страха.

Он и так не отличался особой силой, тоненькие ручки да ножки — по словам Чу Минчжоу и остальных, он был сущим «неженкой». Способность высиживать яйца уже сама по себе казалась ему величайшим достижением, но Сюэ Я никогда в жизни не видел столь неугомонного яйца.

Точнее... он видел лишь одну настолько же безумную собаку.

В точности как его вчерашний исчезнувший «питомец»: такой же полоумный, готовый изойти на нет от восторга при одном взгляде на Сюэ Я. Непослушное яйцо так и норовило подвигаться, и Сюэ Я, подержав его всего какую-то малютку, до боли в руках от усталости, в конце концов в отчаянии отпустил его.

— ...Вообще-то это важно, — 717 знал, что его подсказка верна, но, глядя на Сюэ Я, который совершенно измождённым раскинулся на матрасе, позволяя яйцу с собачьим хвостом елозить и тереться о его тело, в голосе системы проскользнуло легкое сомнение. — ...Наверное, правильно?

Пушистый хвостик то и дело лениво поглаживал белый мягкий животик. Сюэ Я свесил ноги с кровати, и в таком вытянутом положении отчетливо прорисовывались изгибы его талии и бедер — точеные, с выступающими косточками, где белое было ослепительно белым, а розовое — нежно-розовым.

Это без труда привлекло внимание сочащегося влагой яйца.

— Неправильно, — Сюэ Я стал немного сообразительнее и спросил 717: — Разве ты не можешь просто сказать мне ответ?

Он заключил сделку с загадочным электронным голосом: 717 помогает ему пройти испытание, а он в обмен соглашается принять задание убить Соловья... Хотя Сюэ Я до сих пор понятия не имел, как будет выполнять это поручение, это не мешало ему заметить неладное.

На это 717 отреагировал весьма невозмутимо.

Он даже процитировал слова Чу Минчжоу, чтобы отчитать Сюэ Я: — Если я сразу назову тебе ответ, разве смогу я вечно давать тебе подсказки? К тому же, придумал ли ты хоть способ выполнить моё задание?

Нет.

— Вот именно, так с чего бы тебе требовать, чтобы я сразу выдал ответ? — праведно возмутился 717. — Это было бы жульничеством, нельзя.

— ...

— О, ладно, — с чувством вины отозвался Сюэ Я, но, поразмыслив немного, всё же не оставлял попыток побороться за своё, не желая сдаваться: — Даже самую малюсенькую подсказку тоже нельзя? Парень с ног до головы выглядел так, будто искупался в воде: мелкие черные пряди мягко прилипли ко лбу и вискам, щеки пылали алым, словно от жара, а губы, которые он от смущения сперва крепко закусил до белизны, после того как он их отпустил, стали влажными и ярко-красными.

Сюэ Я превосходно умел капризничать и просить по-своему; на самом деле, что бы он ни говорил и ни делал, во всем неизменно сквозило какое-то жалобное выражение, хотя сам он никогда не считал, что умеет ластиться.

Он просто искренне о чем-то просил.

— 717... — тихонько позвал Сюэ Я.

717 был готов взвыть от раздражения.

Он решительно не мог понять, как на свете может существовать парень вроде него. Мало того что глупый, так еще и совершенно не желающий шевелить мозгами, подумаешь, лицом вышел чуть лучше остальных... Какая же от него разница с красивой, но бестолковой соленой рыбой! Он ещё вечно норовил размягчить голос, когда звал по имени — так липко и сладко, будто во рту у него карамель.

Неужели он и впрямь думал, что от одного этого он на всё согласится?

Семьсот семнадцатый считал себя человеком принципиальным, а потому, глядя на покрасневшие глаза паренька и покрытый испариной кончик носа, принялся раздумывать, как бы помягче отказать. Он подумал: иначе Сюэ Я расплачется.

А возиться с утешениями — мороки не оберёшься.

Он произнес: — Я...

Семьсот семнадцатый внезапно осекся. Слово застряло на самом начале, и выговорить продолжение он уже никак не мог.

— Ты чего? — электронный голос на миг встревожился, но вскоре он сам понял причину.

Сюэ Я, разумеется, не мог ему ответить. Из-за незнакомых, странных ощущений в голове словно плескалась горячая вода — всё плыло, было очень жарко и жутко щекотно.

Что... что это такое?

Так странно.

Почти мгновенно Сюэ Я от потрясения перевернулся на живот и принялся в суете карабкаться наверх. То ли он слишком спешил, то ли и вправду уже утратил способность соображать, но, переворачиваясь и поднимаясь, он продолжал прижимать к груди яйцо, боясь его разбить, и совсем не подумал о том, что таким движением лишь сильнее насаживает себя.

Жар стоял невыносимый.

Лишь когда Семьсот семнадцатый разрешил остановиться, Сюэ Я — весь в липком поту — поднял голову. С ватными ногами слезая с кровати, он чуть не упал, с тяжелой головой еле-еле доплелся до двери и распахнул её. В лицо ему пахнуло прохладным ветром, отчего Сюэ Я немного пришёл в себя.

От этого же ветра сидевшего на его икре и вцепившегося мёртвой хваткой щенка качнуло так, что тот едва не сорвался вниз.

— ... — помолчав пару секунд, Семьсот семнадцатый заговорил: — Игроки, попавшие в Сон на тысячу ли, практически всю жизнь вынуждены раз за разом возвращаться в игру... Ты не можешь вечно полагаться на других.

Сюэ Я остолбенел, и лишь добрую минуту спустя сообразил, что Семьсот семнадцатый отвечает на его прежние слова.

— ...Я стану давать тебе больше подсказок, но не буду называть ответы напрямую, — Семьсот семнадцатый уставился на искусанные губы Сюэ Я и его влажные, чистые глаза, на секунду умолк, а затем продолжил: — И не стану обманывать.

Прозвучало торжественно, словно клятва.

От этого Сюэ Я отчего-то стало немного не по себе.

— Хорошо, — ответил он.

Сюэ Я стоял на пороге. Коридор снаружи по-прежнему тонул во мраке, к тому же Сюэ Я понятия не имел, сколько времени прошло и не заметил ли Чу Минчжоу его отсутствия в комнате.

К тому же он совершенно не представлял, что делать с тем, что обвилось вокруг его ноги.

— Брать его с собой и вправду нельзя, — подтвердил Семьсот семнадцатый. — Иначе твой сожитель просто скрутит его в бараний рог.

Сюэ Я и сам это прекрасно понимал.

— И что же тогда делать? — спросил он. Прошлой ночью он уже забрал подушку и перебрался в другую комнату, приложив к этому немало усилий... И даже если бы он захотел вернуться обратно нынче вечером, Чу Минчжоу ни за что бы на это не согласился.

Сюэ Я смутно чувствовал: стоило ему заикнуться о возвращении, как Чу Минчжоу снова принялся бы зло и требовательно целовать его в губы.

До чего же обидно, с горьким вздохом подумал Сюэ Я.

Но что же тогда делать?

717, судя по всему, тоже не ожидал такого поворота, однако он оказался куда надежнее Сюэ Я. Поразмыслив немного, система выдала ответ:

— Тогда временно пристрой его у кого-нибудь.

— ?

Р-разве можно вот так взять и пристроить человека?

Отупевший от смятения Сюэ Я ббрел до дверей жилья с самого первого этажа. Поддавшись на уговоры 717, он робко постучал. Стоило мужчине отворить дверь, как оттуда густой волной хлынул удушливый запах алкоголя. От этого амбре Сюэ Я тут же затаил дыхание и плотно сжал губы.

Мужчина не отличался могучим телосложением, но из-за многолетнего пьянства у него уже наметился порядочный живот, казалось, вот-вот готовый разорвать натянутую на него одежду. Стоило ему заговорить, как винные пары стали еще гуще.

— Т-ты... ты кто такой? — мужчина прищурился, разглядывая стоявшего на пороге парнишку с опущенной головой. Проеденные алкоголем нервы заставили его машинально уставиться на лицо гостя, и уже через секунду взгляд мужчины затуманился. — А, ты... ты тот новенький со второго этажа?

Сюэ Я ничего не ответил и лишь нервно кивнул.

— Какая красота, — мужчина принялся бесстыдно разглядывать нежную белизну девичьей шеи и порозовевшие кончики ушей, с жадным любопытством оценивая гостя с головы до ног. Он ухмыльнулся: — Т-ты куда симпатичнее того парня, что приходил вчера... Ик.

Он громко и кисло икнул.

— И... и намного лучше той... той шлюхи.

Оскорбительное слово сорвалось с губ без малейшего стеснения, и вперемешку с отвратительным запахом оно заставило Сюэ Я нахмуриться.

— Просто отдай его ему, — 717, судя по всему, тоже был не в восторге. Впрочем, его настроение испортилось еще тогда, когда ситуация в комнате вышла из-под контроля. — Отдадим и сразу уйдем.

— Ты ко мне пришел? — перед глазами пьяницы парень, казавшийся ослепительно-белым с ног до головы, по-прежнему хранил молчание и прятал лицо. Это не только вызвало у мужчины легкое раздражение, но и пробудило какое-то смутное, зудящее вожделение. Говоря это, он инстинктивно подался вперед и протянул руку, намереваясь ухватить гостя за запястье. — Хочешь зайти в гости...

В следующую секунду его слова оборвались на полуслове.

<http://bllate.org/book/20952/2124371>